Татьяна Смирнова

Либфраумильх клостер

Обитель молока Святой Девы

12+

Татьяна Смирнова

Либфраумильх клостер. Обитель молока Святой Девы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Смирнова Т.

Либфраумильх клостер. Обитель молока Святой Девы /
Т. Смирнова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга - путешествие по средневековой Европе: паломничества и крестовые походы, переплетение судеб девушек в прошлом и настоящем. Как глоток священного напитка для любителей историй со смыслом.

© Смирнова Т., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

СМИРНОВА ТАТЬЯНА

Либфраумильх клостер
Обитель молока Святой Девы

МОСКВА
2018

Посвящаю взрослеющим девочкам, ищущим правды в этом мире.

Ясное-ясное – свет лучезарный,
Чистое-чистое, словно стекло,
Нежное, словно объятия мамы,
Доброе-доброе, сердца тепло.

Вступление

Москва. Зима 1988 год.

По затемненному скверу, слабо освещенному мерцающими фонарями, идет девушка. Куртка не застегнута, глаза затуманены слезами. Идет, куда ноги несут. Напрямик, мимо главного здания МГУ, вдоль прямоугольных бассейнов с лилиями-фонтанами и бюстами светил науки. Она идет и не замечает ни лиц, ни имен, только шлифованные, засиженные голубями лбы, один, второй, третий. А слезы стекают по щекам: не поступить ей в Университет, репетитор назвал ее бездарной и отказался учить. Домой идти бессмысленно, и желать что-то безнадежно. Можно только переступать ногами по заснеженным дорожкам и двигаться вперед. У мраморных перил Смотровой площадки она остановилась и взглянула вниз на Москва-реку. Лужники, а за ними маковки Новодевичьего монастыря, отделения музея истории. Кажется,

там захоронены какое-то знаменитости, так что возят туда иностранных гостей и поддерживают мало-мальски наружность исторических памятников. А что там внутри? Склады с экспонатами? Или просто оштукатуренные затхлые помещения, безликие и заброшенные. Когда-то, гуляя по весенней Москве, она набрела на одну такую заброшенную церквушку и увидела лестницу и лаз на крышу. То ли бомж поселился там, то ли чудак-богомол, но ей стало уютно от того, что кто-то обитает в этом, слепленным с любовью и благоговением старинном храме.

– Может, и мне куда-нибудь так сгинуть, поселиться отшельницей, и жить, не видимой миром.

«Брошу все, отпущу себе бороду, и бродягой пойду по Руси», вспомнились ей слова Есенина, и она представила себя с длинной в пояс бородой.

Но в этот момент солнечное радостное пение донеслось до ее слуха: «O, Tannenbaum, O, Tannenbaum». Она подняла глаза к небу: среди серой непроглядности неба засиял луч, потом световое окно, и, наконец, дверь, открытая в яркий свет, из ночи в день, из зимы в лето. И разливалось оттуда стройное пение на детский знакомый мотив, на незнакомом языке, но она понимала каждое слово: «О, древо Рождества, ты стоишь в нетронутой красе».

Недолго думая, она шагнула в распахнутую дверь.

Глава Первая

Решение

Саксония, XIII век.

Город Гослар, у подножья Гарца зацветал каждую весну белым облаком слив, яблонь и вишен. Вместе с обнаружением серебряной жилы в город богател год от года, превращаясь из поселения рудокопов в имперскую столицу. На рыночной площади становилось все теснее, но зато и бродячих артистов, и древних сказителей становилось все больше, а довольная публика поощряла их мастерство звонкой монетой.

В одном из фахверковых домов около Маркткирхе, деревянной рыночной церкви, проживала семья сапожника. Муж мастерил обувь, а жена продавала ее на рынке в базарный день, покупая на вырученные деньги соль, муку и кое-что из утвари. Большую часть продуктов давал огород, а умелые руки матери превращали муку в хлеб и пироги, ткань в одежды, а изношенные до дыр тряпки в забавных кукол. Старшей дочерью в семье была Марта. На ней лежала забота

о четырех своих сестрах, пока мама уходила на рынок. Но в этот день мама мастерила большую куклу для пасхального базара, и Марта пошла на площадь поглазеть. У ратуши, на помосте сидел старец и рассказывал о паломничестве к святому Якову, показывал гребень Сантьяго и дивил народ историями о приключениях на пути к святым мощам.

Марта простояла у помоста до вечера и, когда город покрыла вечерняя мгла, нехотя отправилась домой. Все последующие дни, убирая за сестрами, подметая дом и играя в куклы, Марта не переставала возвращаться мыслями к пилигриму и к Сантьяго. Звон колокола пробудил Марту от раздумий: палмзоннтаг (Palmsonntag), воскресенье перед Пасхой отмечали в Госларе с особой торжественностью. Отовсюду, с малых и великих паломничеств возвращались пилигримы, неся в руках пальмовые ветви как доказательство своего пребывания на Святой Земле, неся камушки и куски дерева от святынь священной Римской империи.

На проповеди патер зачитал буллу папы Римского Каликста Второго, благословляющего на паломничество к мощам святого Якова и обещающего освобождение от грехов. От себя патер Герман добавил, что путь к святому Иакову расчищен от варваров и разбойников и специальный рыцарский орден охраняет всех паломников от грабежей и разбоя. И именно с этими словами в сердце Марты созрела уверенность, что она пойдет путем святого Якова.

Глава Вторая

Камино дел Норте

Германия, XIII век.

На семейном совете Марту решили отпустить вместе с четой Либенбаум, соседом-мясником гером Клаусом и его женой фрау Моникой, которые решили идти путем святого Якова с

просьбой о даровании сына. Дни страстной недели прошли в приготовлениях. Гер Либенбаум и отец Марты расспрашивали паломников и изучали варианты маршрутов. Можно было пойти путем святого Якова через Альпы и земли франков. Тем более, что император Карлус Магнус расчистил дорогу через Пиренеи от мавров. Но весь путь занимал бы более тридцати тысяч фусов (тысячи километров), и, даже если б они проходили в день по шесть тысяч шагов, то весь путь продлился бы около двух лет. Чтобы сократить путь, решено было идти на север, к портовому городу Гамбург, оттуда морским путем дойти до Нормандии, а оттуда с вереницей паломников пройти по земле франков, чередуя пешие маршруты с переездами на повозках. Мама Марты насушила ей сухарей в дорогу и дала орехов, и кроме одной смены одежды и двух пар обуви, у Марты ничего не было. Ходили рассказы, что поселяне принимают паломников как родных, получая тем самым и себе благословение святого, что кормят и снабжают всем необходимым на пути, не зависимо от языка и социального статуса. Отец и мать проводили Марту до соседнего города Целле, где простились с дочерью, отправив ее заплечный мешок с торговцами, сплавлявшими груз в Бремен по реке Аллер. Торговцы обещали, что через две недели доставят вещи Марты и семьи Либенбаум в Гамбург, где их будет ожидать багаж в гильдейской таверне, у порта. А тем временем, простившись с родными, и поклонившись алтарю церкви святой Девы Марии, Марта вместе с группой других паломников отправилась в пеший путь до славного города Гамбурга.

Глава Третья

Трудности на пути

Германия, XIII век.

К вечеру первого дня жена мясника фрау Моника натерла ноги в кровь и продолжать маршрут как минимум несколько дней была не в силах. Гер Клаус остался с супругой, перепоручив заботу о Марте паломнице из ордена бегинок (Beguinae), возникшего в Европе для защиты оставленных жен и обманутых девиц. Швестер Пела (сестра Пелагея), была женщиной лет тридцати, вместившая в себя вместе с преданностью Богу неприязнь к мужчинам. Ее пылкий ум, восхвалявший Бога в псалмах, спускался с небес, чтобы в очередной раз убедиться в никчемности мужчин. Марта терпеливо выслушивала весь день, как обманул ее жених, соблазнив обещаниями и оставив перед алтарем. Ей было жаль швестер Пелу, но сама Марта не находила мужчин омерзительными, ведь среди них были и ее отец, и пастор Гослара, и святой Яков, к мощам которого вел их путь.

Вечером второго дня, устраиваясь на ночлег в таверне у дороги, швестер Пела натолкнулась на двух рыцарей, обедавших без спешки за столом под лестницей.

– Сестра, разделите с нами трапезу, – сказал ей один из рыцарей.

– Найн, – отрезала она, гордо вскинув голову и поднялась по лестницы с величием королевы, хлопнув громко дверью в свои покои. Этот стук отвлек Марту от мыслей о доме, и она вышла из комнаты, спустившись в гостевой зал прямо к столу рыцарей.

– Сестра, разделите с нами трапезу, – повторил приглашение рыцарь постарше, и Марта присела на край скамьи. Ей предложили пирог с овощами и рыбу, сообразив, что паломница наверняка откажется от мяса.

– Идете к святым мощам? – Спросил рыцарь постарше.

– Да, к святому Якову, – кивнула Марта, запивая пирог пивом. Надо заметить, что пиво пили в этих землях дети с раннего возраста, поскольку вареный напиток было пить надежнее, чем воду из реки. И хоть земля изобиловала источниками, сходить с маршрута ради очередного Wasser-Quelle было глупо, поэтому фляга с водой за поясом паломника часто пересыхала и наполнялась пивом в ближайшей таверне.

– Поклонитесь святому и за нас, – опустив голову, произнес второй рыцарь. – Мы идем освобождать Святую Землю от неверных.

– Тогда и вам предстоит побывать на святых местах, – отозвалась Марта. – Значит, мы на север, а вы – на юг, – заключила она, прожевывая пирог.

В этот момент в таверну ворвалось пятеро человек. Они собирались пограбить паломников, но встретили отпор рыцарей Густава и Фердинанда. Разбойники были связаны по рукам и ногам, а на шум снизошла из своих покоев швестер Пела. Увидев Марту за столом с рыцарями, она направилась, чтобы забрать ее в комнату. Но с каждым ее шагом решимость спасти девицу от мужланов сменялась признательностью за спасение всех паломников этими «мужланами» от грабежа и насилия. Подойдя к столу рыцарей, она только произнесла:

– Господь да умножит дни ваши за помощь богомольцам.

– Сестра, – сказал рыцарь постарше, по имени Густав, – Господь ведь тоже мужчина, и апостолы, и пасторы. Не сужайте свой кругозор, и мир вам преподнесет не мало подарков.

– Простите, у меня есть свои причины, чтобы не доверять мужчинам, – возразила швестер, но в ее голосе уже не было той же уверенности, что раньше.

Тогда сказал Фердинанд:

– Брат Густав, послужить этим паломникам на пути в святому настолько же богоугодно, как избавить Святые земли от неверных. Грабители и насильники в наших землях в христианской стране куда опаснее, чем язычники в странах Востока.

– Согласен, брат, – ответил Густав, и они склонились на колено перед распятием, которое украшало восточную стену таверны.

– Мы клянемся охранять паломников на пути к святыне и, если придется, положить за них свою жизнь, – произнес Густав.

– Да будет так, – сказал Фердинанд.

Трапеза закончилась, и они все разошлись по комнатам.

В эту ночь Марта не сомкнула глаз, поскольку до самых петухов выслушивала восторженные реплики швестер Пелы о благородстве доблестных рыцарей.

– Уж не знаю, что и хуже, презирать мужчин или восторгаться ими. В любом случае, это лишает покоя, – заключила Марта, накрывая голову одеялом, чтобы утренние лучи не помешали ей отдохнуть перед очередным долгим переходом.

Все последующие дни до города Гамбурга прошли одинаково спокойно и интересно. Густав оказался замечательным рассказчиком, и удивлял паломников описанием святой Земли, экзотических животных и диковинных фруктов. Швестер Пела стала подводить брови и румянить щеки. Она непременно садилась в поле зрения Фердинанда и старалась выказать пример благочестия, чтобы привлечь его и без того восторженный взгляд.

Как то, проходя мимо комнаты, где разместились рыцари, Марта услышала слова Густава:

– Брат, пока мы идем звездным путем, мы как братья и сестры во Христе, не забывай от этом.

Глава Четвертая

Оставляя прошлое позади себя

Париж, 2000 год.

– Вернись, мерзавка, – слышала, сбегая по лестнице, Мари крики матери. Она опять застала ее с альфонсом, нагрубила им обоим, и, стащив у него пачку сигарет, побежала из дома. Мари курила с десяти лет, предпочитая легкие женские сигариллы, но и американским Мальборо не брезговала.

– Ничего, купит себе еще, на мамины денежки, – проворчала она, взбираясь по улочкам к Белому Слону Монмартра. На лестнице у собора Мари могла сидеть часами и любоваться на город. Во все стороны бежали дорожки, на 50 километров, и со всех сторон видны были те места, с которыми ее что-то связывало. Там, на крыше Нотр-Дам, она впервые целовалась с Жаком и смеялась над гаргульями, корчащими им страшные мины. Тут, под мельницей, она убежала от него, и больше не встречалась, перестала отвечать на звонки и просто исчезла. Иногда ее беспокоили сомнения, что Жак, должно быть, переживает, но желание ни с кем не связывать свою жизнь брало верх. Просто жить одним днем, знакомиться в кафешках, говорить обо всем, но не подпускать никого близко к сердцу, – таково было ее кредо, вынесенное из горького опыта матери, из ее бессонных ночей после ухода отца, и желания вернуть то благополучное правильное время любой ценой. Отец где-то под Леоном, с другой женой воспитывает других детей, а Мари, как ей после этого верить в любовь?

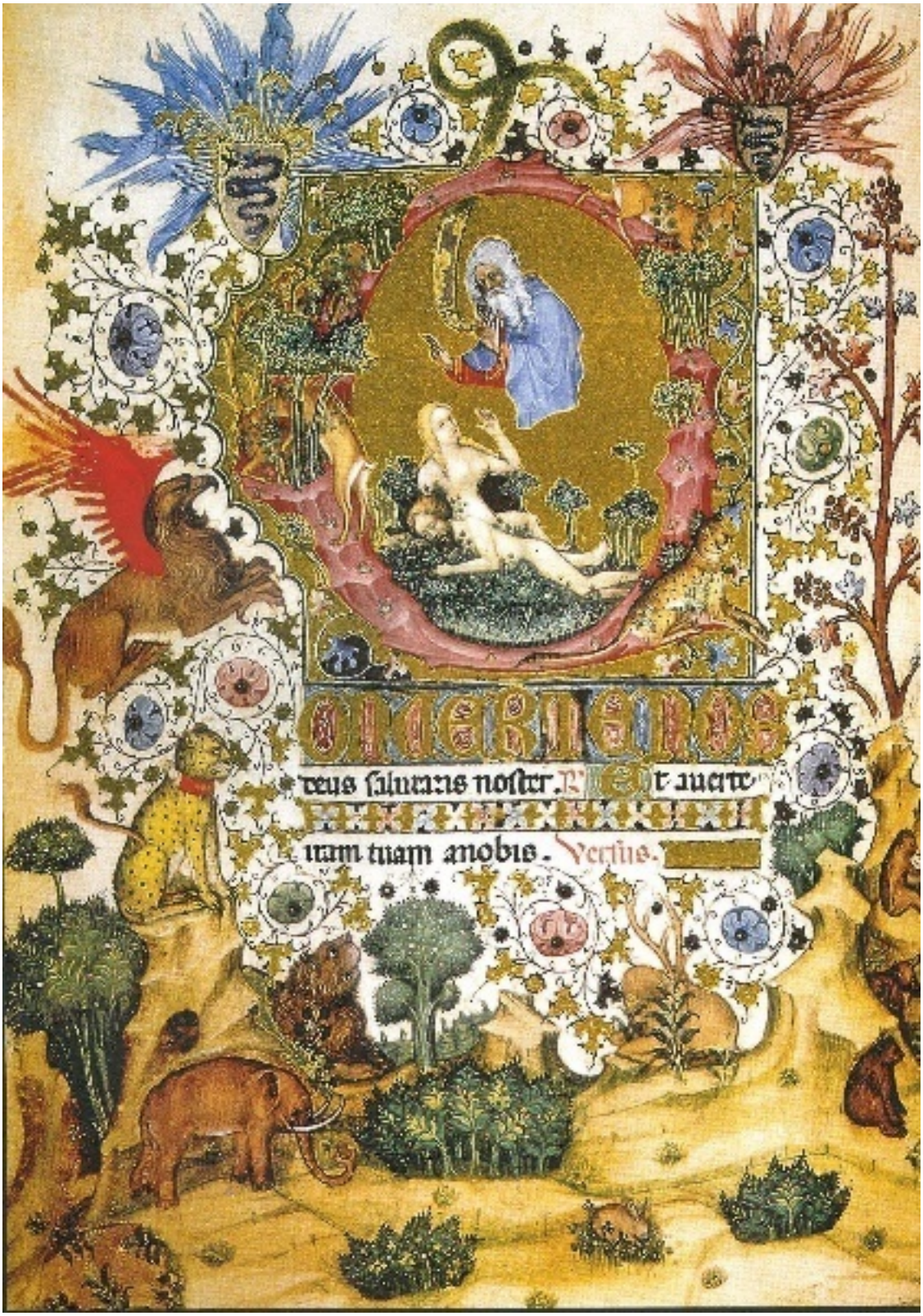
Скрипач, игравший в сквере, начал исполнять мелодию из «Шербурских зонтиков», а у Мари от переполнявших чувств, текли по щекам слезы.

– Сакрэ Кёр, – указывал на Белого слона экскурсовод с зонтиком, и Мари, вслед за азиатскими туристами, пошла в собор. Не смешные горгульи, как прежде, на нее от самого входа смотрел Христос в белых ризах с поднятыми словно для объятий руками.

Группа туристов из Германии исполняла какой-то средневековый гимн на вульгате, но корни слов, единые для всех народов старушки-Европы, были узнаваемы даже Мари, знавшей всего-то французский и английский со словарем.

«Матер долороса» – выхватывала слова Мари, вспоминая, что ее тетка Долорис часто жаловалась, что названа в честь скорби. Да, каждое слово древнего гимна, соединенное нитями взаимосвязей с маркой машины – Фиат (да будет), с названиями магазинов и имен, обретало в Мари свой исконный, всеобъемлющий смысл. Туристы закончили петь, и Мари подошла поблагодарить их за чудесное исполнение. Молодые парни и саксонские, с русыми косами девушки кланялись ей с одним и тем же «данке». И только последний, в баварских подтяжках юноша заговорил с ней на хорошем, чуть провинциального говора французском. Они шли «звездным путем», как он предстал во сне Карлу Великому, млечному пути от Франции до Испании, к мощам святого Якова. В их глазах горели звездочки от величия начинания, и Мари, вышедшая покурить у Белого слона, решила, не заходя домой и не взяв ничего с собой, идти вместе с ними. Маме отправила короткую смс: «буду через месяц»…

Мари вернулась в Париж через три месяца. В длинном итальянском платье она шла по Монмартру, и ткани кружили у ее ног в плавном вальсе. Прохожие останавливались полюбоваться стройной и слаженной девушкой, а люди постарше угадывали в ее взгляде гармонию и покой. Она встретилась с Жаком у той же мельницы и обещала навсегда остаться с ним. Зайдя за вещами домой, она вернула маме пачку Мальборо, и подарила на память ракушку из Испании. Прошлое оставалось в этих стенах, за ними начиналось прекрасное настоящее и удивительное будущее.



Глава Пятая

Портовый город

Гамбург, XIII век.

Узкие мощеные улочки бежали вдоль вереницы домов к порту, где перерастали в площади, заполнялись суетой и вновь замирали около стен городского собора. Сегодня был Зонн-таг, Доминика, день Господень, как называли его священники. И поэтому даже грузчики в

порту тише перебрасывали мешки и реже ругались. Торговая площадь пустовала, и, чтобы пополнить запасы перед морским странствием, придется задержаться до Монтаг, а то и дольше. Рассудив так, швестер Пела с Мартой решили остановиться в странноприимнице святой Магдалины, а рыцари Фердинанд и Густав пошли в храм ордена тамплиеров, от которого уходили корабли на Святую Землю. Братство ордена, полумонашеское, полувоенное, взяло на себя миссию защиты паломников по пути ко Гробу Господню, и сейчас, когда сам папа огласил новый Крестовый поход, орден собирал в своих стенах всех крестоносцев, предоставлял ночлег, собирал в отряды и направлял к Бари, итальянскому порту, откуда отряд за отрядом перевозились к Византийским провинциям. Настоятель ордена читал новобранцем Буллу папы о прощении им грехов ради Святости мест и желания послужить Богу. Фердинанд, слушая воодушевленные речи рыцарей и простолюдинов, рассматривая их плащи и нашитыми крестами, сам поддался восторженному состоянию и записался в ряды крестоносцев.

– Брат, ты со мной? – обратился он к Густаву.

– Нет, я сопровожу паломников к святому Якову, как обещал, а там, может быть, наши пути пересекутся.

Из Гамбурга до Бари крестоносцы добирались сухопутным (те, кто попроще) и морским (рыцари из знатных родов) путями. Густава приписали к кораблю Санта Мариа, и через два дня их корабль уходил в море. Он огибал всю спину и торс старушки Европы вплоть до кокетливо оттопыренного сапожка. По пути делал остановки в крупных портах, забирая все новых и новых знатных рыцарей с крестами на плащах.

Вечером того же дня в соборной церкви Гамбурга Густав с Фердинандом, как и договаривались, встретились с Мартой и сестрой Пелой. Увидев Фердинанда с вышитым крестом на груди, сестра Пела опустила глаза, полные слез. Она почти уже уверилась в достоинстве мужчин, почти полюбила одного из них, и вновь в ее сердце оборвалась затянувшаяся рана, вновь обреченная на одиночество, она ощущала себя маленькой девочкой, брошенной среди толпы базарной площади. Но на этот раз что-то новое струилось, как другой аккорд, из струн души. К басовым ля (lactea via – млечный путь) и до (Dominus – Господь) добавилось тихое, сопранное ми (Miraculum – чудо).

Фердинанд взял ее за руку и повел к Распятью.

– Пелагея, сестра и возлюбленная о Господе. Я вручаю тебя Его всеведенью и попечению. Жди меня у святого Якова, я к тебе обязательно вернусь. Но если Господь решит забрать меня к Себе, я буду ждать тебя у ворот рая, чтобы проводить в Его светлые обители и радоваться там вместе бесконечно.

Он протянул ей фамильный перстень с выгравированным орлом. Пелагея отвечала тем же торжественным тоном.

– Брат и возлюбленный о Господе Фердинанд. Я буду ждать тебя не год и не три года, а всю жизнь, поскольку твоя душа уверила мою в премудрости путей Господних и Его всевышнем провидении. И если в этой жизни нам не придется больше встретиться, я буду каждый день навещать тебя в своих думах и молитвах, пока смерть не соединит нас на все времена.

Она сняла с шеи медальон с изображением Мадонны, подаренный ей матерью, и вложила в ладонь рыцарю.

Они поклонились Распятью и вышли из собора, взявшись за руки.

Густав поймал их счастливые взгляды и на выходе подошел к ним вместе с Мартой.

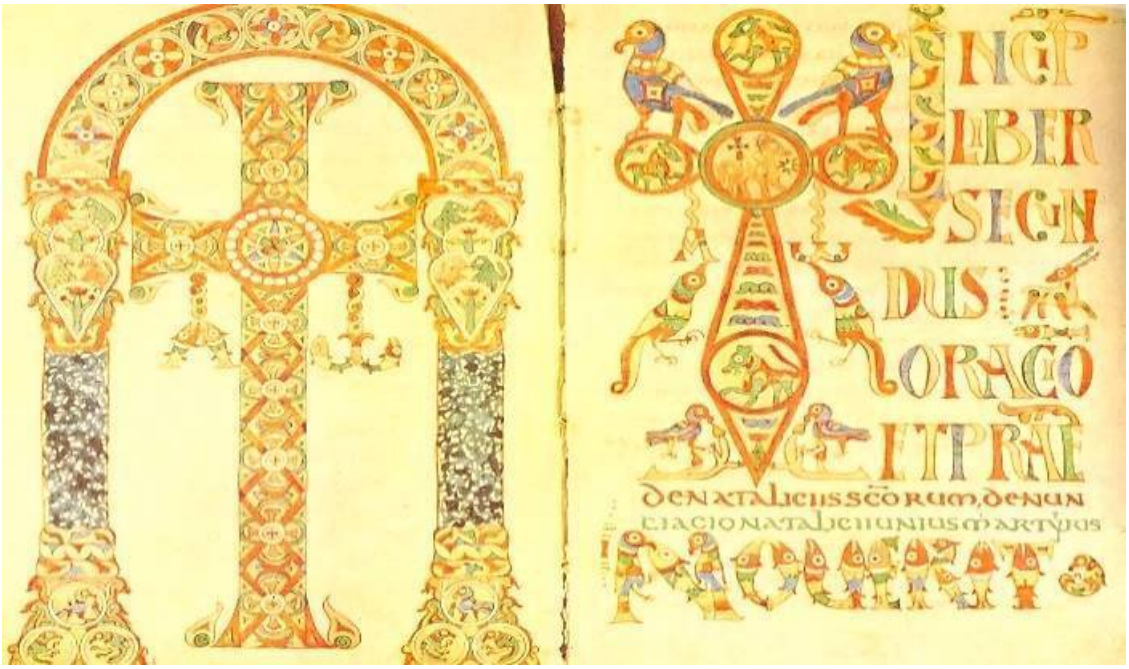
– Вас, по-видимому, можно поздравить с брачными обетами? – Сказал он, скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Брат, ты читаешь мысли, – произнес с улыбкой Фердинанд.

– Я вижу лица людей счастливых и обретших гармонию, и это мне говорит больше, чем многие слова.

Они простились у собора и разошлись на ночлег. Все следующее утро Пелагея и Марта закупали орехи и яблоки, стирали белье и латали дыры. Прибыли с торговцами заплечный мешок Марты, отправленный из дому, а также чета Либенбаум. У Фрау Либенбаум зажили ноги, но она с трудом ходила на большие расстояния, так что до самого Гамбурга они добирались речным путем с торговцами. Расплатившись за перевозку и подсчитав в городе свои сбережения, гер Либенбаум объявил жене, что они не смогут закончить маршрут, если им придется и впредь нанимать лошадей. И тогда они решили остаться на полгода во Франкфурте, чтобы поработать в приюте для паломников, принимать и кормить уставших на пути, чинить одежду и лечить раны, и тем самым стяжать и себе благословение тех святых, к кому шли облагодетельствованные ими паломники.

Рыцарь Густав договорился добраться на корабле Санта Мариа вместе с сестрами до Нормандии, откуда идти звездным путем к святому Якову. И, таким образом, подарить Пелагее и Фердинанду еще неделю вместе. И, между тем, начал учить Марту вульгате, средневековой латыни, которая была на слуху у каждого прихожанина, но читать, а уж тем более писать на латыни могли только единицы из благородных жен, обученных мужьями и девиц, обученных отцами. Марта очень быстро схватывала правила, и через неделю уже могла читать без запинки все надписи.



Глава Шестая

Шторм в море

Европа, XIII век.

Санта Мариа так и не смогла причалить в Нормандии, постоянный туман и сильные волны делали невозможным даже приближение корабля к берегу. Тогда капитан корабля дал распоряжение переплыть Ла-Манш и переждать бурю в порту Альбиона, Дувре. И вот, корабль пересек Английский канал и валы бушующей воды сменила белая скалистая береговая линия, которую вероятно и увидели римские мореплаватели, дав Англии белоснежное наименование – Альбион. Шторм в гавани не полностью утих, но хотя бы появилась возможность пришвартовать судно и спустить на землю измученных волнением крестоносцев и паломников.

Так, Швестер Пела и Марта в сопровождении рыцарей сошли с корабля в гавань, сняли комнаты в странноприимнице Дувра и пошли в портовую таверну, чтобы утолить проснувшийся на твердой земле голод и услышать новости. В это утро рассказывал священнослужитель, искавший в Дувре судно до Нормандии, откуда ему предстояло добираться до папского престола и донести в Ватикан весть о прославлении святого Фомы Кентерберийского.

– Почивший смертью мученика, он по смерти творит чудеса исцелений, со всех концов графства Кент стекаются паломники, и молва бежит впереди гонцов. Обрела эта земля заступника перед престолом Всевышнего в лице нормандского вельможи и великого аскета, святого Фомы.

По таверне разнеслась звонкая тишина, благоговейный трепет от рассказа. Крестили лбы моряки и торговцы, монахини и портовые девицы.

– А не опасна ли дорога к Кентербери, святой отец? – Спросила с поклоном швестер Пела.

– Нет, этот путь утоптан стопами паломников, по сторонам дороги стоят странноприимницы и пекарни, повсюду вдоль дороги к святому Фоме строятся храмы и часовни. И люд со всего Альбиона идет посмотреть на чудо.

– И сколько займет путь из Дувра до Кентербери? – Спросил Густав.

– Хорошим шагом до вечера придете, – сказал священник.

– Значит, решено, завтра с первыми петухами мы отправимся поклониться святому Фоме.

Все четверо вернулись на корабль. Фердинанд, как обязанный соблюдать дисциплину Ордена, не смог отпроситься. И хоть море волновалось так, что об отплытии и речи быть не могло, магистр категорически запретил уходить далеко от корабля даже ради такого Богоугодного дела, как поклонение святому Фоме.

Вечером швестер Пела и Фердинанд простились, вроде как на несколько дней.

– Возьми несколько голубей из таверны, тогда ты сможешь прислать мне весточку, – давал последние советы Фердинанд. – Если у меня появятся новости, я пришлю гонца.

Пелагея опустила глаза:

– Я упрошу святого Фому благословить тебя на всем крестоносном пути твоем, уберечь от стрелы во дни летящей и лиха, в ночи приходящего. Если мы не встретимся на Альбионе, я буду ждать тебя в городе святого Якова.

Они поклонились друг другу, и Фердинанд поцеловал медальон, подаренный Пелагеей.

Глава Седьмая
Кентерберийское аббатство
Европа, XIII век.

Перед самым рассветом, когда еще город спал и только первые петухи робко прочищали горло, чтобы восславить красоту утренних часов, пробуждение дня и восход солнца, в эти последние минуты ночной тишины Марта, Пелагея и Густав вышли из странноприимницы и по главной дороге отправились вверх, вглубь острова, к духовному центру Англии, городу Кентербери. Ноги сами несли их, привыкших к дороге и скучавших без попутного ветра, шороха трав и гомона птиц в безликих каютах Санта Марии. Через четверть часа они нагнали двух монахов из Кентерберийского аббатства и весь путь прошли в сопровождении ученых аскетов Альбиона. От них Марта узнала, что первые проповедники христианства приплыли в Англию на лодках, и, встретив сопротивление проповеди со стороны друидов, решили поселиться отшельниками, выучить местный язык и сделать понятными священные тексты. С тех самых пор до времени, когда южную Англию населили норманны и христианство было принято повсеместно, монахи занимались переводом и переписью книг, читали и перечитывали труды древних, составляли анналы и несли Слово Божие всякому вопросившему. На этот раз брат Патрик с увлечением рассказывал паломникам о своей жизни в аббатстве Кентербери. Он свободно говорил на вульгате, которую так же понимали швестер Пела, выучившая латынь на церковных службах в Германских землях, рыцарь Густав, который учил медицину в Парижском университете, где все обучение велось на латыни. Оказалось, что брат Патрик тоже учился в латинском квартале Парижа прежде, чем церковные школы объединились, сформировав один из первых Университетов в Европе. И он засыпал Густава вопросами о преподавателях, дисциплине, предметах. Он завидовал рыцарю, что тот получил более разностороннее и глубокое образование, а Густав восхищался энциклопедическим умом собеседника, стоявшего у истоков его Альма-Матер. Так незаметно прошли они весь путь, оторвавшись от глубокомысленной беседы, когда впереди выросли крепостные стены Кентерберийского собора. Несколько десятилетий назад собор сгорел, и теперь перед паломниками красовался новый, недавно отстроенный собор с величественной Троицкой капеллой, у которой стояла очередь богомольцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.